

ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ: ПРИМЕР МОНОГОРОДОВ

МЕЛЬНИКОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск;
e-mail: vvm_ru@mail.ru;

КРАВЕЦ АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ,

кандидат социологических наук, доцент,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск
e-mail: apt-words@mail.ru

Эффективность государственного регулирования территориального развития находится в значительной зависимости от сформировавшейся системы институтов и особенностей экономического поведения агентов. Подготовка и реализация стратегий развития территорий определяется поведением участников соглашений. Концептуально выделяется три базовых варианта поддержки территорий: поддержка существующих производств, поддержка инвестиционных проектов, а также создание или модернизация территориальной инфраструктуры. Контент-анализ ряда документов стратегического развития сибирских территорий позволяет сделать вывод об отсутствии намерений федерального центра по ускоренному решению проблем регионального развития. Современное состояние и общие тенденции позволяют говорить о низкой эффективности регуляций, направленных на развитие экономик моногородов в РФ. Современная институциональная система осуществления регуляций способствует вымогательству ренты и оппортунистическому поведению со стороны держателей административных барьеров. Соглашения, касающиеся развития моногородов, могут быть успешно заключены и реализованы, если учитываются интересы и экономические стимулы широкого круга агентов, любой из которых на своем уровне способен осознанно или неосознанно препятствовать эффективной аллокации ресурсов. Показаны различия частных интересов экономических агентов, проявляющиеся в рамках реализации технологий государственной поддержки моногородов.

Ключевые слова: институты, экономическое поведение, поиск ренты, фискальная политика, антикризисное управление.

IMPACT OF BEHAVIOURAL AND INSTITUTIONAL FACTOR UPON TERRITORIAL SOCIAL-AND-ECONOMIC DEVELOPMENT: A CASE OF COMPANY TOWN

VLADIMIR V. MELNIKOV,

Assistant professor, Candidate of Science (Economics),
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk,
e-mail: vvm_ru@mail.ru;

ALEKSANDER.V. KRAVETS,

Assistant professor, Candidate of Science (Sociology),
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk,
e-mail: apt-words@mail.ru

Efficiency of public regulation of territorial development to a considerable extent depends on the established system of institutions and the specifics of the agents' economic behavior. Devising and implementing a territorial development strategy is determined by the conduct pursued by the agreement participants. There are three basic concepts of territorial support: maintaining the existing enterprises, supporting investment projects as well as creating or modernizing a territorial infrastructure.

Content analysis of a number of documents on strategic development of Siberian territories leads to a conclusion that the federal centre has no intentions to accelerate problem-solving in terms of regional development. The present state and general trends reveals low efficiency of regulations designed to develop company-town economies in the Russian Federation. The modern institutional system of regulation facilitates rent-seeking and opportunism of the holders of administrative barriers. Agreements related to development of company towns can be successfully reached and consummated when taking into account the interests and economic incentives for a broad range of agents, any of whom can deliberately or unwittingly prevent efficient resources allocation at their level. Differences of private interests of economic agents, manifested through the technologies of state support for company-towns, are shown.

Keywords: crisis management, fiscal policies, behavior of economic agents, institutions, rent-seeking.

JEL: D02, D72, H12, H30.

Введение: о значении институциональных условий при осуществлении экономического выбора

Важнейшим фактором успешного развития территорий являются условия распределения ограниченных экономических ресурсов. Создание таких условий находится в непосредственной зависимости от действующей системы институтов, которые, в свою очередь, определяются распространенными механизмами индивидуального поведения экономических агентов в рамках процессов удовлетворяющей адаптации. С каким бы типом экономической системы – преимущественно рыночного или редистрибутивного механизма аллокации ресурсов – мы не имели дело (Курдина, 2001), решения при осуществлении государственных регуляций, а также решения частного инвестора о вложении средств в тот или иной проект определяются интересами и ожиданиями экономических агентов.

Зачастую знакомство с инвестиционными паспортами территорий, с их инновационным и инфраструктурным потенциалом не позволяет объяснить незначительное количество заинтересованных в осуществлении вложений инвесторов, даже в тех случаях, когда администрации на неформальном уровне предлагают режим наибольшего благоприятствования. В то же время резиденты предпочитают инвестировать в других странах, а иногда и сменить регистрацию или юрисдикцию. Документы, призванные повысить инвестиционную привлекательность не учитывая мнения и интересы инвесторов, напоминают результаты запоздалого внутреннего аудита, позволяющего органам государственного и муниципального управления скорее вспомнить об имеющемся потенциале, нежели предложить участникам рынка принципиально новые возможности для развития.

Причины поведения частных инвесторов становятся понятны при ближайшем знакомстве со структурой трансакционных издержек функционирования формальных институтов и цены обеспечения гарантий исполнения соглашений с учетом неформальных правил ведения бизнеса. Склонность участников обменных операций к оппортунизму в целях улучшения своего положения за счет неосведомленного контрагента является ключевой проблемой заключения и исполнения контрактов (Мельников, 2014, с. 92). Распространенность оппортунистического поведения ликвидирует преимущества, предлагаемые инвесторам на официальном уровне (Эггертссон, 2001).

Ситуация усложняется зависимостью от предшествующего пути развития, когда речь идет о моногородах. Здесь, как отмечал Пол Дэвид, «динамические процессы приобрели важный исторический характер» (David P.A., 1985). В условиях плановой экономики и централизованного материально-технического снабжения зависимость города от предприятия не представляла собой экономической проблемы. Если в городских процессах имели место отрицательные тенденции, а также возмущения, вносимые внешней средой, то посредством планирования «развитие города направлялось по желаемому руслу» (Системный анализ, 1983, с. 9). В постсоветский период в России моногород должен был стать «независимым» и «эффективным», что, иногда по институциональным, иногда по технологическим причинам, было невозможно. Система формальных правил, направленная на либерализацию отношений в национальной экономике не привела к фактической рыночной либерализации: государство не упускало возможности получения ренты с территорий. Этому способствовало как ренториентированное поведение отдельных его представителей, рассматривающих «государственные» полномочия как источник получения дополнительных доходов (Krueger, 1974; Buchanan et al., 1980), так и стратегическое видение перспектив регионального развития.

1. Перспективы развития сибирских регионов с точки зрения федеральных документов стратегического развития

В рамках исследования авторами был проведен количественный контент-анализ совокупности нормативных документов, определяющих дальнейшую разработку системы формальных правил и отношение федеральных структур к территориальному развитию Сибири. Совместная оценка трех основных документов¹ стратегического уровня позволяет сделать ряд выводов, касающихся видения инструментов и перспектив развития сибирского макрорегиона с точки зрения федеральных органов, ответственных за нормативно-правовое регулирование и проведение экономической политики регионального развития.

¹ Концепция стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. (от 22 мая 2017 г. № 3414п-П116). Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года».

1. С точки зрения количественно-качественного контент-анализа совокупности рассмотренных документов основными понятиями, характеризующими развитие Сибири, являются:

- низкая инвестиционная привлекательность;
- отток населения;
- плохая инфраструктура;
- агломерации;
- высокие межтерриториальные различия;
- неочевидные точки роста;
- вахтово-экспедиционное освоение;
- соблюдение традиций в тенденциях развития;
- слабая мотивация органов государственной власти и органов местного самоуправления.

2. В рамках концепции стратегии пространственного развития РФ до 2025 г. Сибирь упоминается один раз в контексте мест проживания коренных народов и вахтово-экспедиционным освоением территории.

3. Сибирь рассматривается как место, где «добываются полезные ископаемые», важное «в геополитических отношениях» и для обеспечения «территориальной целостности и безопасности» федерации.

4. Развитие Сибири не предполагается сделать особенным, в отрыве от остальной РФ, следовательно, в ускоренном или особом порядке никто Сибирь развивать не планирует.

5. Сибирь – фантом. Это иллюзия с точки зрения трактовки понятия даже в представленном наборе документов. Фантом невозможно развивать.

6. С точки зрения проанализированных документов очевидно, что подразумевается наличие противоречий между макрорегионом «Сибирь» и регионами РФ. Регион – враг макрорегиону. Соорганизация стратегий соседних регионов маловероятна по причине разных бюджетов и социально-экономических стратегий региональных правительств.

7. С точки зрения проанализированных документов макрорегион Сибирь – резервация с ресурсами. Из формулировок нельзя сделать вывод, что экономические интересы макрорегиона Сибирь полностью совпадают с общефедеральными.

В целом, качество приведенных «стратегических» документов оставляет желать лучшего территории, на развитие которой они направлены, по целому ряду причин. Во-первых, на уровне государственного планирования пространственный аспект развития всерьез не воспринимается: нет механизмов, направленных на снижение концентрации доходов и расходов в крупных населенных пунктах, на снижение дифференциации доходов населения регионов (*Литвинцева, Стукаленко, 2010*). Во-вторых, существующие стратегические документы лишь запутывают ситуацию, поскольку не учитывают поведенческих стимулов основных акторов в процессе реализации стратегии. В-третьих, выбранная модель бюджетного федерализма приводит к необходимости повышенной ответственности федерального центра за создание условий для социально-экономического развития регионов, что не всегда совпадает с мнением групп специальных интересов, использующих административные возможности и заинтересованных в развитии отраслей за счет ускоренного «освоения» территориальных ресурсов и минимизации собственных расходов.

2. Экономическое поведение, институты и развитие моногородов

Как отмечал Д. Норт, институты создаются, чтобы служить интересам своих создателей (*North, 1990*). И рыночные проявления неэффективности норм далеко не всегда влекут за собой шаги по исправлению создавшейся ситуации, по причине сложившейся структуры стимулов экономического поведения (*Шмаков, 2013*). Попытки решения проблем моногородов в современной России прямое подтверждение этому тезису. «Государственные интересы» в рамках институционального проектирования

развития моногородов настолько же разнообразны, насколько много экономических агентов участвует со своими целями в разработке и реализации государственных регуляций (Курбатова, Левин, Апарина, 2005; Саблин, 2012). При этом будем иметь в виду, что политические рынки существуют не только на национальном уровне, но также на региональном, локальном уровне и внутри отдельных организаций (Тамбовцев, 2016), формируя положительные трансакционные издержки, оказывающие непосредственное влияние на эффективность институциональных изменений.

В городах, построенных вокруг предприятий для поддержания их бесперебойного развития в России, проживает около 14 млн человек. При этом из 319 городов только в 71 (22%) из них можно говорить о стабильной социально-экономической ситуации. Остальные либо уже находятся в сложном положении (100, или 31%) или имеют негативные перспективы развития (148, или 47%) (Моногорода РФ, 2017). Ухудшение условий функционирования градообразующего предприятия имеет своим следствием неразрешимые социально-экономические проблемы, начиная с роста безработицы и заканчивая вынужденной миграцией населения.

В последние годы основным стратегическим направлением решения проблем в этой сфере является создание государством предпосылок для повышения конкурентоспособности и модернизации моногородов (Манаева, Растворцева, 2016), и превращение их, в идеале, в населенные пункты со значительно диверсифицированной экономикой (Новоселов и др., 2011). Поскольку в сфере государственного управления наблюдается все более широкое применение менеджеристского инструментария, в частности, программно-целевого управления и бюджетирования, ориентированного на результат (Капогузов, Запека, 2014) – не обошло это понимание и моногорода. Государственные и муниципальные структуры должны были обеспечить снижение потенциала неопределенности для потенциальных инвесторов через процессы обучения и повышения эффективности администрирования в общественном секторе (Руцкий, Пыжнев, 2015).

Для обучения функционированию в новых условиях и новому мышлению сотрудников территориальных административных структур была создана некоммерческая организация «Фонд развития моногородов» (ФРМ, учредитель – Внешэкономбанк) (Отчет..., 2016), для которого были заявлены в качестве целей софинансирование расходов по созданию объектов инженерной инфраструктуры (федерация – 90–95%, субъект РФ – 5–10%), необходимой для запуска новых инвестиционных проектов, формирование команд, управляющих проектами развития моногородов в новых условиях, и организация их подготовки (на базе московской школы управления «Сколково»). Одним из инструментов предполагалось также долговое софинансирование частных компаний до 1 млрд руб и 40% от стоимости проекта. Чтобы не возникало ощущение в неразумности поддержки того или иного территориального проекта при расходовании государственных средств, добавляется конкурсная составляющая при перераспределении экономических ресурсов. В этом случае «эффективность» для органов власти становится очевидной. Чего не скажешь о перспективах моногородов.

Здесь уместно вспомнить Джорджа Стиглера, посвятившего ряд работ важности правильного понимания эффективности экономических реформ: «каждая политическая мера, выгодная одним людям, налагает издержки на других» (Стиглер, 2017). Несмотря на объемы израсходованных на развитие моногородов РФ финансовых ресурсов (около 116 млрд руб., начиная с 2010 г.), работу в этом направлении едва ли можно назвать удовлетворительной, поскольку численность моногородов «красной зоны» со сложным социально-экономическим положением стабильно увеличивается, а ожидания жителей становятся все более негативными. Подобного мнения придерживается и аудиторы Счетной палаты РФ (Мальшева, 2017).

Уделим более пристальное внимание факторам (предпосылкам и частным интересам) экономического поведения участников соглашений в сфере экономической поддержки территориального развития (табл. 1).

Таблица 1

**Факторы экономического поведения
при осуществлении поддержки моногородов**

№ п/п	Участвующие экономические агенты	Предпосылки поведения	Частные интересы экономических агентов
1	Правительство РФ	1. С учетом разграничения полномочий отсутствие прямой ответственности за развитие муниципалитетов. 2. Необходимость обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности	• Снятие с повестки дня проблемы западного вектора миграции и социально-экономических проблем моногородов, ситуация в которых в долгосрочной перспективе имеет явно выраженную негативную тенденцию; • руководство программами финансирования
2	Правительство региона	1. Доверие Президента РФ губернатору. 2. Рост государственных закупок и трансфертов для ликвидации последствий остановки предприятий. 3. Необходимость софинансирования проектов ФРМ	• Снижение расходов бюджета на решение проблем моногородов; • поддержание муниципальных образований в зависимом положении, в т. ч. за счет формирования административных барьеров; • получение субсидий, формальный и неформальный контроль за «освоением» федеральных ресурсов
3	Руководители муниципального образования	1. Неумение работать по правилам бизнеса на повышение эффективности 2. Отсутствие антикризисных менеджеров. 3. Несбалансированность бюджетов (преимущественно). 4. Неумение готовить документы на получение федеральных грантов	• Освоение дополнительных ресурсов; • вклад в решение проблем финансирования местного бюджета; • рост доходов и административной ренты административно-управленческого персонала
4	Градообразующее предприятие (-ия)	1. Отсутствие моральной ответственности за благосостояние жителей города в условиях рынка. 2. Зависимость местного самоуправления от поведения собственников компании	• Рост конкурентоспособности компании; • рост прибыли (или минимизация убытков) с учетом вида и состояния рынка, наличия природных ресурсов
5	Некоммерческая организация «Фонд развития моногородов»	1. Наличие «общественной миссии» поддержки моногородов и диверсификации их экономики. 2. Неполное соответствие информации о состоянии моногородов в министерствах и ФРМ. 3. Слабый контроль за направлением расходования финансовых ресурсов. 4. Отсутствие общепринятых критериев эффективности использования средств таких фондов	• Максимизация финансовых ресурсов, контролируемых ФРМ, для развития территорий; • использование административных барьеров; • рост заработной платы сотрудников

Окончание табл. 1

№ п/п	Участвующие экономические агенты	Предпосылки поведения	Частные интересы экономических агентов
6	Работники и жители монопрофильного поселения	1. Низкая экономическая активность на территории. 2. Низкое качество жизни. 3. Устаревшая инфраструктура. 4. Неблагоприятные условия труда	• Миграция, в т. ч. в следующем поколении; • сохранение градообразующего предприятия; • недопущение ухудшения криминогенной обстановки; • сохранение приемлемого уровня доходов
7	Частные инвесторы	1. Низкая инвестиционная привлекательность большинства секторов на всей территории РФ. 2. Наличие дополнительных, особых проблем моногородов. 3. Непонимание муниципалитетами интересов инвесторов и правил работы с ними	• Высокая доходность вложений с учетом рисков; • формально закрепленные гарантии для снижения рисков и устранение бюрократических препятствий для бизнеса
8	Московская школа управления «Сколково»	1. Непонятен фактический набор новых знаний и компетенций, которые необходимо получить специалисту, прошедшему переподготовку от ФРМ. 2. Не определен уровень оплаты труда преподавателей и квалификационные требования. 3. На уровне формальных правил не закреплена стоимость обучения в рамках переподготовки. 4. Не установлен перечень лиц, имеющих право на переподготовку	• Максимизация числа лиц, обученных за счет ФРМ; • максимизация доходов от взаимодействия с ФРМ

Поскольку перспективы моногородов зависят от формальных и неформальных институтов, возникновение и функционирование которых, включая действия гаранта исполнения соглашений, определяется структурой стимулов экономических агентов, необходимо учитывать активность в этом направлении целого ряда лиц: губернатора, его заместителей по инвестиционному развитию, мэра моногорода, его аппарат, собственников градообразующих предприятий, инвесторов, жителей, профильных специалистов системы ГМУ, создающих инвестиционные планы, сотрудников и руководство федеральных министерств. По этой причине решение проблем отдельных территорий не может быть единообразным.

Если бы речь шла о чистой рыночной эволюции, когда «экономика» была бы ответственна за спрос на институциональные изменения по причине неэффективного распределения факторов производства, а государство выступало лишь организацией обеспечивающей гарантии исполнения эволюционно возникающих соглашений, то, возможно, вырисовывалась бы ситуация диссонанса с общественным пониманием справедливости, и обществом требовалась бы политика государства по формированию новых экономических *порядков*.

В нашем случае в качестве предпосылки мы имеем дело с высокими транзакционными издержками функционирования политических рынков, когда, с одной стороны, возникает ощущение, что государство активно борется за «справедливую» аллокацию ресурсов, формируя посредством институтов новые механизмы редистрибуции и внося

корректировку в *процессы*, с другой, высокая цена сделок на политическом рынке и трансакционные издержки оппортунистического поведения блокируют возможности экономии на издержках хозяйственной деятельности и, в общем, не способствуют существенному для моногородов стимулированию частных инвестиций и выпуска.

На каждой территории имеет место разная степень защиты прав собственности, разная степень конкурентности рынков, особенности стратегической игры собственников-монополистов, разные санкции за поиск административной ренты, а, следовательно, инвестиции частного сектора, решающие проблемы моногородов, не могут быть простимулированы государственной политикой, связанной только с государственным финансированием. В роли соискателей ренты будут выступать отдельные работники всех участвующих организаций, что будет приводить к нерациональному использованию ресурсов, поскольку адресность субсидий будет создавать возможности получения ренты для бюрократов.

Ожидаемые ресурсные издержки инвесторов в рамках борьбы за доступ к рынкам или корректировке схемы прав собственности могут легко превзойти ожидаемую величину дисконтированных доходов. После чего моногороду не избежать «голосования ногами».

Выводы: о перспективах моногородов в Сибири

1) Населенный пункт, созданный в рамках проектов Госплана, за исключением ситуации удачной текущей конъюнктуры, сложно сохранить в качестве места с высоким уровнем жизни исключительно стимулированием госрасходов в условиях рыночного перераспределения ресурсов.

2) Рынок и оппортунистическое поведение при прочих равных условиях создают монополии, мегаполисы и метрополии; все остальные территории без специальных режимов или удачной (рыночной) конъюнктуры – «вахта» и резервации. Этот тезис подтверждается не только российским, но и международным опытом.

3) Несмотря на выделяемые финансовые ресурсы в рамках государственного регулирования рыночных процессов развития моногородов, «политика анестезии» не трансформировалась в «политику развития» по причине неэффективных институтов; положение таких территорий имеет тенденцию к ухудшению.

4) Современная институциональная система осуществления регуляций в сфере поддержки моногородов способствует оппортунистическому поведению со стороны держателей административных барьеров и собственников компаний по отношению к населению и территории. Необходимо формирование новых экономических порядков, меняющих структуру трансакционных издержек хозяйствования и возможности ренториентированного поведения для держателей административных барьеров.

5) Экономические ожидания и степень неопределенности среды, зависящие от качества институтов и факторов индивидуального поведения, оказывают влияние на оценку рисков инвесторами. Неоправданно ожидать частных инвесторов, которые будут способствовать решению социально-экономических проблем моногородов, если жители не видят будущего своих детей на этой территории.

ЛИТЕРАТУРА

Капогузов Е. А. и Запека Л. И. (2014). Государственные программы как новый инструмент государственного управления: к вопросу об оценке эффективности // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*, № 3, с. 49–57.

Кирдина С. Г. (2001). Институциональные матрицы и развитие России: монография / С.Г. Кирдина. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН.

Курбатова М. В., Левин С. Н. и Апарина Н. Ф. (2005). Взаимодействие власти и бизнеса на муниципальном уровне: практики, сложившиеся в Кемеровской области // *Экономическая социология*, Т. 6, № 2, с. 50–68.

Литвинцева Г. П. и Стукаленко Е. А. (2010). Результативность социальных институтов в сфере государственной политики доходов населения России с учетом регионального фактора // *Journal of Institutional Studies*, Т. 2, № 2, с. 38–54.

Мальшиева Е. (2017). Кризис охватил моногорода. Счетная палата обнаружила ухудшение экономического состояния моногородов. (<https://www.gazeta.ru/business/2017/05/18/10679105.shtml> – Дата обращения: 18.05.2017).

Манаева И. В. и Растворцева С. Н. (2016). Методический инструментарий оценки конкурентоспособности моногорода // *Региональная экономика: теория и практика*, № 5, с. 23–39.

Мельников В. В. (2014). Происхождение оппортунизма: психологические основы экономического поведения // *Terra Economicus*, Т. 12, № 4, с. 91–104.

Моногорода РФ. (<http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/about> – Дата обращения: 05.02.2017).

Новоселов А. С., Маршалова А. С. и Капун Т. А. (2011). Проблемы повышения конкурентоспособности и активизации экономического развития муниципальных образований // *Проблемы регионального и муниципального управления* / Под ред. А.С. Новоселова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, с. 127–140.

Отчет о результатах деятельности Некоммерческой организации «Фонд развития моногородов» за 2016 год. (http://www.frngrus.ru/upload/manual-upload/report_2016/report.html#p=2).

Руцкий В. Н. и Пыжжев И. С. (2015). Институциональные проблемы и перспективы развития инновационного предпринимательства в ресурсной экономике // *Journal of Institutional Studies*, Т. 7, № 4, с. 128–137.

Саблин К. С. (2012). Институты развития и квазиинституты развития: значение институциональной среды // *Журнал экономической теории*, № 3, с. 177–181.

Системный анализ и проблемы развития городов. (1983) / Под ред. С.В. Емельянова. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы. (Серия «Теория и методы системного анализа»).

Стиглер Дж. (2017). Гражданин и государство. Эссе о регулировании / Пер. с англ. Автономовой. М., 336 с.

Тамбовцев В. Л. (2016). Теории институциональных изменений: учебное пособие. М.: Проспект, 160 с.

Шмаков А. В. (2013). Компенсация – механизм создания стимулов // *Terra Economicus*, Т. 11, № 1, с. 80–93.

Эггертсон Т. (2001). Экономическое поведение и институты / Пер. с англ. М.: Дело, 408 с.

Buchanan, J. M., Tollison, R. D. and Tullock, G. (eds.) (1980). *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*. College Station: Texas A&M University Press, 39–50.

David, P. A. (1985). Clio and Economics of QWERTY // *Economic Review*, 75(2), 332–337.

Krueger, A. O. (1974). The Political Economy of the Rent-Seeking Society // *American Economic Review*, 64(3), 291–303.

North, D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. USA: Cambridge University Press, 152 p.

REFERENCES

Buchanan, J. M., Tollison, R. D. and Tullock, G. (eds.) (1980). *Toward a Theory of the Rent-Seeking Society*. College Station: Texas A&M University Press, 39–50.

Company Town of the Russian Federation. (<http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/about> – Access date: 05/02/2017. (In Russian).

David, P. A. (1985). Clio and Economics of QWERTY. *Economic Review*, 75(2), 332–337.

Eggertsson, T. (2001). *Economic Behavior and Institutions*. M., Delo, 408 p. (In Russian).

Kapoguzov, E. A. and Zapeka, L. I. (2014). State programs as a new instrument of public administration: to the question of assessing effectiveness. *State and municipal management. Scientific notes SKAGS*, 3, 49–57. (In Russian).

Kirdina, S. G. (2001). Institutional matrices and the development of Russia: monograph / S.G. Kirdina. Novosibirsk: IIEP of the SB RAS. (In Russian).

Krueger, A. O. (1974). The Political Economy of the Rent-Seeking Society. American Economic Review, 64(3), 291–303.

Kurbatova, M. V., Levin, S. N. and Aparina, N. F. (2005). Interaction of power and business at the municipal level: the practices that prevailed in the Kemerovo region. Economic Sociology, 6(2), 50–68. (In Russian).

Litvintseva, G. P. and Stukalenko, E. A. (2010). Effectiveness of social institutions in the sphere of state policy of population incomes in Russia taking into account the regional factor. Journal Of Institutional Studies, 2(2), 38–54. (In Russian).

Malysheva, E. (2017). The Crisis Covered a Company Town. The Chamber of Accounts found the deterioration of the economic condition of Company Town. (<https://www.gazeta.ru/business/2017/05/18/10679105.shtml> – Access date: 05/18/2017). (In Russian).

Manaeva, I. V. and Rastvortseva, S. N. (2016). Methodological Toolkit for Assessing the Competitiveness of a Company Town. Regional economy: theory and practice, 5, 23–39. (In Russian).

Melnikov, V. V. (2014). The Origin of Opportunism: Psychological Basics of Economic Behaviour. Terra Economicus, 12(4), 91–104. (In Russian).

North, D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. USA: Cambridge University Press, 152 p.

Novoselov, A. S., Marshalova, A. S. and Kashun, T.A. (2011). Problems of increasing competitiveness and activating the economic development of municipalities. Problems of regional and municipal government / Ed. A.S. Novoselov. Novosibirsk: IIEP of the SB RAS, 127–140. (In Russian).

Report on the results of the activities of the non-commercial organization “Fund for Development of Company Town” for 2016. (http://www.frmrus.ru/upload/manual-upload/report_2016/report.html#p=2). (In Russian).

Rutskiy, V. N. and Pyzhev, I. S. (2015). Institutional problems and development perspectives innovative entrepreneurship in resource economics. Journal of Institutional Studies, 7(4), 128-137. (In Russian).

Sablin, K. S. (2012). Institutes of development and quasi-institutions of development: the importance of the institutional environment. Journal of Economic Theory, 3, 177-181. (In Russian).

Shmakov, A. V. (2013). Compensation as the Mechanism of Stimulus Creation. Terra Economicus, 11(1), 80–93. (In Russian).

Stigler, G. (2017). The Citizen and the State. Essays on Regulation. Moscow, 336 p. (In Russian).

System analysis and problems of urban development (1983). / Ed. S.V. Emelyanova. Moscow: Science. The main edition of physical and mathematical literature, 512 p. (Series “Theory and methods of system analysis”) (In Russian).

Tambovtsev, V. L. (2016). Theories of Institutional Change: A Textbook. Moscow: Prospekt, 160 p. (In Russian).